

МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА

ВЗОШЛА ДУША

* * *

Не русский дух, и Русью здесь не пахнет.
Едва держась на самолётных трапах,
Улыбчивые девушки и парни
Находят неприличным этот запах.

Сказал один: “Что дал тебе твой воздух,
Раз от него ты вспыхиваешь спичкой?
Он пахнет потом, кровью и навозом,
Блевотиной и пивом в электричках.

Нас слишком много, раненых и ранних,
Чтоб жить одной надеждой на спасенье.
Чего жалеть, ведь каждый в мире странник...
Ведь так сказал когда-то твой Есенин?”

Но мой Есенин рано понял цену
Всем странствиям, не уводящим в небо.
Он болен был землёй и миром целым,
И тем не мил тебе, что трусом не был.

Тебе бы поотвязней приколоться,
Как статую, боготворя Свободу,
Но если наплевать во все колодцы,
Скажи, откуда брать живую воду?

ЗНОБИЩЕВА Мария родилась в Тамбове в 1987 году. Окончила Тамбовский государственный университет. Автор шести поэтических сборников. Слушатель семинара А. Казинцева и С. Куняева на форуме молодых писателей России.

— Воды куплю! Не дам себе засохнуть.
Она везде, поверь, одна и та же.
...Уходит в небо лайнер ваш высокий.
Стою. Прощаюсь. И не плачу даже.

ОСТЫВАЮТ ОЗЁРА

Никакого с тобой разговора
Не ведём. Осторожно идём.
Остывают лесные озёра,
Покрываются льдом.

Столько звука вокруг — ты послушай! —
Крик вороний, ветвей говорок,
Гул небес, надрывающий душу,
Шум недалних дорог.

Обречённым молчаньем повисли
Облака с чужедальних сторон,
Но кричат мои тайные мысли
Громче этих ворон.

И дробится ледок под ногами,
Открывая в излуках траву,
Что под нашими дышит шагами
И поёт: “Я живу!”

Луч кричит, прямо в сердце вонзаясь,
И в рассеянном снежном дыму
Бьётся сердце, как загнанный заяц,
Но так сладко ему.

Светел взгляд твой, и нет в нём укора.
Там, в глазах твоих, — новый мой дом...
Но зачем голубые озёра
Покрываются льдом?

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Здесь схоронили бабушку, а следом
В тугой земле похоронили деда.
Вся в трещинах, земля была суха,
Как жизнь, бездонна и, как смерть, глуха.

Я снова прихожу на их могилы.
Несу в себе тебя, их правнук милый,
Чтоб древо рода снова зацвело
Земному безразличию назло.

Плечо к плечу по всей длине погоста
Растут кресты невиданного роста,
Умерших сосен ссохшаяся плоть.
Растут, как город, в месяц по три ряда,
Как будто для Невидимого Града
Сзывает новых жителей Господь.

Шесть метров, облицованные плиткой,
С оградой, клумбой, тумбочкой, калиткой,
С надгробья отшлифованной плитой.
Или другие шесть — в траве забвенья,
С неразличимой датой рожденья,
С разоблачённой чёрной пустотой.

Любовь и память пишут свой постскрипtum.
Калитка отворяется со скрипом.
Колышет ветер душевные цветы,
И пахнут тленом белые пионы,
И гнутся так, как люди при поклонах,
И лепестками трогают кресты.

Здесь тишина. Молчат односельчане.
Как бабушка сказала б, “осерчали”.
Но на кого отныне им сердчать?
Им всё равно теперь, “взошли ль картошки”, —
Взошла душа! А значит, по одежке
Теперь им больше некого встречать...

Расти, дитя, и думай о хорошем.
Молчит земля, беременная прошлым,
А если скажет миру что-нибудь,
То это слово — наш с тобою путь.

Я жизни жду, а думаю о смерти,
И в этой ежечасной круговерти
Мы все идём от света и на свет.
А значит, смерти не было и нет.